

The background of the entire page is a romantic sunset scene. A large, bright yellow sun is positioned in the lower right quadrant, partially obscured by the silhouettes of a man and a woman standing on a grassy hill. The sky is a mix of orange, red, and purple, with some darker, textured clouds. The overall mood is warm and intimate.

Парк аттракционов

Шараванский Евгений

Евгений Шараванский

Парк аттракционов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69842356

SelfPub; 2023

Аннотация

Жизнь под тиканье настенных часов и треск поленьев в камине. Размеренность бытия, как падающий снег за окном... Но всё ли так очевидно?

Евгений Шараванский

Парк аттракционов

Часы на восточной стене задавали ритм, но сосновые поленья потрескивали какую-то свою мелодию, отдаваясь пламени. Его отблески затейливо отплясывали на шторах. За окном мартовский вечер никак не мог определиться, укрыть ли снова двор снегом или омыть дождем. Мокрый снег, возможно последний в этом сезоне, уже не кружился, а лениво валил с неба подобно каплям. Пожалуй, завтра к ланчу от него не останется и следа.

Трентон привычно полулежал в кресле у камина, накинув плед на колени. Тут же покоился небольшой томик в потрепанном переплете. Вот уже полгода мужчина не находил повода проводить субботние вечера как-то иначе. Да и прочие вечера...

Бэтти больше нет.

Она больше не вытаскивает его на вечерние прогулки к реке, не созывает соседей на игру в лото, не просит его прочесть Шекспира, “как умеет только он”.

Трентон все же продолжал читать. Каждый вечер. Вслух. Он читал и вспоминал свою жизнь с момента встречи с Бэтти и до ее ухода.

Он вспоминал их первую встречу на аттракционе в Глазго. Трентон, приехавший на побывку к родителям, отрабатывал

армейские навыки – выбивал в тире мишени одну за другой и был близок к тому, чтобы выиграть для своей племянницы большого плюшевого слона. Оставалось всего три выстрела, когда он, обернувшись на всплеск громкого смеха, заметил ее. Каштановые волосы были уложены точь-в-точь, как у Одри Хэпберн с фото в его казарме. Он вернулся к винтовке и сделал три удачных... промаха. Племяннице достался слон поменьше.

В тот день они познакомились, а на следующий он сел на поезд и вернулся в часть. Было глупо надеяться, что она дождется его из армии после вечера болтовни ни о чем, но она дождалась. Через полтора года пастор обвенчал их в парке под вековым дубом. Это была скромная уютная церемония. Такой же скромной и уютной была их последующая жизнь. Они переехали в Бонхилл, где Трентон нашел работу на конюшне. Бэтти была только рада сменить городскую суету на размеренность провинции. Она нашла работу в школе и учила местных девочек рукоделию.

Долгое время у них не было своих детей. И хоть это было не свойственно их кругу (у соседей было по двое, а то и по трое ребятишек), они находили вкус жизни друг в друге. Проводили много времени на природе. Несколько раз в год навещали родителей в Глазго и ходили в театр. Бэтти обожала пьесы Шекспира – могла пересматривать одну и ту же постановку по нескольку раз, и даже открыла в школе театральный клуб.

Через десять лет, когда они уже не чаяли надеяться, у них родился сын. С пяти лет Трентон стал брать Джейсона с собой на озеро порыбачить. Иногда их сопровождала и Бэтти, но чаще оставалась дома ждать своих мужчин с уловом. Поездки к родителям сопровождались теперь и посещением того самого парка аттракционов, что становилось для Джейсона настоящим праздником, а родителям же давало повод для теплых воспоминаний. К тринадцати годам Трентон обучил сына стрелять в тире без промаха. Нынче слонов среди призов не было, но больших медведей мальчик привозил домой исправно и дарил какой-нибудь из местных девочек, вызывая восхищение.

Затем сын вырос и уехал служить в армию. Когда вернулся, пошел к отцу на работу. Трентон к тому времени уже выкупил половину доли местных конюшен и планировал развивать бизнес дальше. Помощь сына была весьма кстати. Джейсон помогал, как мог, но подобная жизнь его не радовала, о чем он иногда говорил родителям. Те в свою очередь надеялись, что он полюбит какую-нибудь местную девушку и успокоится. А потом случилась война в Ираке и Джейсон уехал служить по контракту...

На похоронах сына Трентон не смог сдержать слез, Бэтти же не плакала, и на это было страшно смотреть. Ее как будто выключили. Она почти перестала разговаривать. Муж поддерживал ее, как мог, и примерно через полгода Бэтти все же слегка оправилась. Вернулась в школу и к занятиям в те-

атральном клубе.

Примерно тогда и появилась традиция ежевечерних прогулок до реки, а чуть позже и лото с соседями по субботам. В то время Трентон и ощутил приближение старости, когда в жизни начинаешь искать повод, чтобы жить.

А спустя еще полтора десятка лет поиска не стало и Бэтти.

Бытует мнение, что перед смертью вся жизнь проносится перед глазами. Но уютные вечера под пледом и потрескивание огня в камине диктуют другие правила. Воспоминание о жизни Трентона не проносилось. Оно постепенно, день за днем, месяц за месяцем, под размеренное тиканье часов на восточной стене, подменило собою саму жизнь.

Трентон потянулся к тумбочке за стаканом воды, но рука замерла на полпути и скользнув по подлокотнику обмякла безвольной плетью.

...

– Трен! Тре-е-е-н! Вставай, дорогой!

Реальность беспощадно обрушилась на меня. Первые мгновения растерянности прошли, и мозг все же сумел сложить паззлы в стройную картину.

Бэт стояла рядом с креслом. Ее каштановые волосы были собраны по последней моде Одри-стайл, а обычно розовый комбинезон отливал фиолетовым с рубиновыми вкраплениями, что говорило о высоком уровне эмоционального возбуждения.

Мы в очередной раз были на аттракционе мнемонической реальности.

– Это было круто! – сказала Бэт, стягивая с моей головы мнемомодуль, – В следующую субботу придем сюда еще?

– Конечно, любимая! – сказал я вставая с кресла, – Ты видела то же, что и я, а то на прошлой неделе нас раскидало?

– Почти всё. Я отключилась чуть раньше. Да и не тебе жаловаться на прошлый раз. Ты на Гавайях веселился, а я в средневековом борделе до сорока пяти лет пахала.

– Зато было, что рассказать друг другу.

– И показать. – она откровенно схватила меня пониже спины, прильнула и поцеловала так, как умеет только она.

– Ну да... Сегодня было, конечно, не так круто, как подъем на Эверест две недели назад, но и это стоило испытать.

– Фу, дурак! Ты тогда разбился по-быстрому, а я еще сутки с отмороженными пальцами спускалась в долину. Хорошо, что лавиной накрыло, а то пришлось бы тебе меня в баре дожидаться.

– Бэт, – я заглянул ей в глаза, – Ты думаешь, у нас получится также?

... и моя Бэтти заплакала.